ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1 + 81'373.21

DOI: 10.21779/2542-0313-2018-33-1-69-78

М.С. Ястребов-Пестрицкий

Семантические и морфологические особенности метафорического поля «Путешествия по Камчатке» И. Сельвинского

*Научная библиотека Государственного архива РФ (НБ ГАРФ); 119435, Москва,
ул. Большая Пироговская, 17; тур-63@mail.ru*

Цель настоящей работы – на богатом эмпирическом материале произведения И. Сельвинского продемонстрировать сложность и многоплановость метафорического строя авторской лингвопоэтики, насыщенной как неожиданными семантическими оттенками, так и некоторыми морфологическими предпочтениями автора. В контексте «Путешествия...» И. Сельвинского лексемы *Камчатка* и *камчатка* получают семантическое развитие, наполняются новыми под-смыслами. Это позволяет сделать вывод, что в дискурсе поэтического очерка эти лексемы являются концептуальными и текстообразующими, а вкупе со всеми лексико-семантическими вариантами и деривационно-семантической разветвленностью, а также с тематическими группами составляют каркас метафорического поля поэтического очерка И. Сельвинского. В статье поэтапно рассмотрены семантическое многообразие и выбор морфологических средств, с помощью которых автором передаются особенности жизни в отдалённом регионе. Автор указывает на специфический контингент полуострова используя метафорический прием переосмысления жаргонной «*камчатки*». *Камчатка* и *камчатка* в продолжение всего очерка зримо и незримо переплетаются, а метафорическое поле произведения в немалой степени построено на индивидуально-авторской метафоре И. Сельвинского как лексико-семантической категории, которая, в свою очередь, морфологически опирается на ключевое слово *Камчатка* (*камчатка*). В конце статьи, кроме того, раскрыто и пояснено явление полистилизма, а также описаны случаи метафорического синкретизма. Данное произведение И. Сельвинского ранее не описывалось лингвистами. Не проводились исследования его корпуса в аспекте метафорического поля, не подвергались пристальному изучению семантика и морфология поэтического очерка, что свидетельствует о новизне и уникальности настоящей работы, которая, внося, таким образом, новый штрих в развитие теории отечественной лингвистической науки, может быть практически использована при аналогичных научных исследованиях текстов других авторов. Также, основные положения работы могут использоваться при чтении спецкурсов по соответствующим специализациям в гуманитарных вузах.

Ключевые слова: *индивидуально-авторская метафора, метафорическое поле, морфологические средства, оценочные имена существительные, интертекстуальность, полистилизм, метафорический синкретизм.*

Из всего корпуса поэзии И.Л. Сельвинского мы, несмотря на сравнительно небольшой объем текста поэтического очерка «Путешествие по Камчатке», выбрали для комплексного исследования метафоры одно их наиболее ярких, знаковых и в то же время малоизученных его произведений, чтобы детально вскрыть всю сложность и многоплановость метафорического строя авторской лингвопоэтики, насыщенной как

неожиданными семантическими оттенками, так и некоторыми морфологическими предпочтениями автора. «Путешествие...» весьма характерно и по своим жанровым особенностям: в подзаголовке «Поэтический очерк», автор, очевидно, хотел подчеркнуть публицистичность своего «поэтического рапорта». Действительно, уже в начале первой главы упоминается письмо в редакцию «Известий». Автор использует как публицистическую, так и политическую метафору: *учрежденцы; большевистский темп; рапорт секретариату ЦК* и т. п.

И.Л. Сельвинский не случайно выбирает для содержательно-образной основы своего поэтического очерка имя собственное *Камчатка*: очерк написан о путешествии по этому дальневосточному полуострову. Лексема *Камчатка* становится доминантной с точки зрения не только географической и собственно текстовой дефиниции, но и эпохальной, и культурно-исторической, и социально-этической предназначенности. С первых же строчек И. Сельвинский использует прием расширения смыслового пространства, включающего весь контекст, и тем самым наделяет топоним неоднозначным символическим смыслом. Автор даёт понять, что для него это слово в первую очередь ассоциируется со школьным жаргонизмом «*камчатка*».

"Камчатка"... Далёкая зимняя парта...

Солидный двучленный клуб [3, т. 4, с. 5–22]

(все последующие цитаты из И. Сельвинского соответствуют указанной ссылке).

Но в то же время для поэта важно, что слово *камчатка* в значениях «последняя парта» и «школьники, сидящие за ней» (результат метонимии), перекликается с пространственно-географическим значением – «полуостров Камчатка». В «Новейшем энциклопедическом словаре» даётся следующее определение: «Камчатка – полуостров на северо-востоке Азии, в Российской Федерации. Омывается Тихим ок., Охотским и Беринговым морями. Вытянут на 1200 км, 370 тыс. кв. км...» и т. д. [2, с. 518]. Это пространственно-географическое (предметное) значение имени собственного *Камчатка*.

В словаре Д.Н. Ушакова дано лексическое значение нарицательного жаргонизма *камчатка*, образованного путём метафоризации от собственного имени *Камчатка*: «Самая задняя парта или несколько самых задних парт в классе, куда в старое время сажали самых плохих учеников, *собир.* Школьники, сидящие на этих партах. (По названию полуострова в Восточной Сибири)» [6, т. 2, с. 325]. Соответственно, в словаре лексема *камчатка* представлена как языковая метафора на основе признака удалённости. В контексте «Путешествия...» И. Сельвинского она получает семантическое развитие, наполняется новыми подсмыслами:

Камчатка... далёкая зимняя парта,

Солидный двучленный клуб.

В то же время *камчатка* в авторском представлении – это *солидный двучленный клуб*. В Словаре Ушакова обнаруживаем три значения существительного *клуб*: «1. Общественная организация, объединяющая лиц одного социального круга для совместного отдыха и развлечения; 2. Культурно-просветительная профсоюзная организация; 3. В эпоху Великой революции во Франции и теперь в Польше – партийная организация» [7, т. 3, с. 21]. Ни одно из них не является метафорическим. Следовательно, употребляя данное слово метафорически и окказионально в отношении *камчатки*, И.Л. Сельвинский обыгрывает значения «объединение лиц одного социального круга для совместного отдыха и развлечения», а также, очевидно, «культурно-просветительная организация». Данный смысловой акцент настраивает читателя на специфическое шутливо-ироническое в начале и патетически-возвышенное в конце вступления в

произведение восприятие субъектов данной характеристики. Обратимся к дальнейшему эмпирическому материалу.

Лексема *Камчатка* и ряд её метафорических реализаций в тексте исследуемого произведения представлены следующим образом: *Камчатка* – полуостров; *Камчатка* – река; *Камчатка* – природное и социальное явление; *Камчатка* – место, где можно хорошо заработать; *Камчатка* – соответствующая месту публика; «*камчатка*» – задняя парта; «*камчатка*» – отстающие ученики и второгодники, как правило, сидящие за последними партами; «*камчатка*» – люди соответствующего склада и образа жизни; «*камчатка*» – клуб. Одновременно можно обнаружить, что *Камчатка* и «*камчатка*» всё время предстают как умозрительная, абстрактная, когнитивная характеристика некоторой ситуации реального мира, причем в постоянном столкновении и переплетении прямого номинативного и переносного метафорического смыслов. Это позволяет сделать вывод, что в дискурсе поэтического очерка данные лексемы являются концептуальными и текстообразующими, а вкупе со всеми лексико-семантическими вариантами и деривационно-семантической разветвленностью, а также с тематическими группами составляют каркас метафорического поля поэтического очерка И. Сельвинского. Одновременно метафора *камчатка* может считаться и стилеобразующей, так как в значении *парта* она относится к разговорному стилю, имеет выраженную коннотацию.

Текст произведения дает богатый материал для подтверждения сказанного.

Так, *Камчатка* – полуостров, по которому состоялось путешествие поэта, предстает в целом зримо и серьезно:

*Камчатка – действительно **твердый берег!***

Камчатка – река, представшая перед глазами поэта настолько разной и противоречивой (то *сплошная опасность*, то *прозрачная ясность*), что всё, увиденное на пути следования по ее течению, породило необычные, но, думается, очень точные метафорические эпитеты о ней:

*Нет, никогда еще мы не видали
Где бы ни плыли от камня круги,
Такой законченно **феодалной**,
Такой **идеальнодворянской** реки.*

Камчатка – явление (как географии, так и социума), отчетливо зафиксированное сознанием человека и выраженное в когнитивной метафоре:

*Камчатка действительно существует –
Лиловый гранитный факт.*

Камчатка – место высоких заработков, а потому привлекающее соответствующего склада публику, передается автором через включение **прецедентного имени** (явление интертекстуальности, неоднократно используемое И. Сельвинским в очерке) и сочиненный ряд оценочных имен существительных, дающих представление о тех, кто обитает на Камчатке:

*Камчатка – это советский Клондайк:
Авантюристы, рвачи, шкеты!*

Незадолго до резкого изменения мнения поэта о реальном положении дел на Камчатке с ее населением у него еще

*... прыгают в памяти «рвач», «забияка»,
«Авантюризм», «советский Клондайк»*

как символы внешнего, поверхностного взгляда на мир Камчатки-полуострова. И эти образы гармонично вписываются в картинку, заданную автором во Вступлении, где жаргонная «*камчатка*» – в авторском понимании, с одной стороны, *далекая зимняя*

парта, т. е. отдаленная от цивилизации территория, а с другой – *солидный двучленный клуб*, т. е. населенная «авторитетной» (в определённом смысле) публикой, у которой *под ландкартой бубновая карта / А всё остальное ни в зуб*. Иными словами, с помощью метафорического приема переосмысления автор указывает на специфический контингент хозяев задних парт, в том числе и *далекой зимней парты*, под которой ясно угадывается географическая Камчатка. Так, *Камчатка* и «*камчатка*» в продолжение всего очерка зримо и незримо переплетаются. Причем «*камчатка*» накладывает отпечаток на все, что видел поэт на полуострове. Но отпечаток этот приобретает два противоположных, а нередко взаимоотталкивающих смысла.

1. В природе всюду царит неподвластная человеку стихия, как и в классе «*второгодники-авторитеты царят*», не подчиняясь законам коллектива, например:

*И вдруг перед вами – белый, клыкастый,
Из бешеной пены бурунный забор.*

Природа величественна и вечна, монументальна и торжественна:

*И, выгибая крестцовый хрящ,
Камчатка являет свое настоящее.*

А с другой стороны, там

*Усть-Камчатск –
Печальный город унынья и грусти...
...И странный день, похожий на вечность,
Стоит в апатической тишине.*

Там поражает *заунывье*, *скучная*, *унылая* тундра.

*Не щебечут деревья.
(Ибо их нет.) Не льется песня.*

Все эти (и многие другие) метафорические зарисовки предъявляют сложный и противоречивый портрет природы полуострова Камчатка.

На фоне суровой и неприветливой природы так же смотрятся и творения рук человеческих:

*Угрюмо и мрачно стоит деревня,
Или, вернее, железня...
Кое-где из трещин окраин
Курево с запахом нашатыря.*

2. В местном социуме прежде всего привлекают внимание те самые «второгодники» с «*камчатки*», публика неоднозначная, в большинстве – маргинальная прослойка общества, изгой с тяжелой судьбой, без будущего, безразличная к настоящему, которые *прут сюда за «длинным рублем*»: им, как выразился автор, *чхать <...> на мою паплету*. Попутно убеждаемся в том, что «большой художественной силой наделяются под пером творца даже словесные знаки периферийной зоны языка – просторечия, диалектизмы, архаизмы, окказионализмы» [1, с. 50]. Вот как поэт увидел рабочих в клубе, где их собрали на встречу с ним:

*Сотни верзил
Во всю скулу трещат от зевот.*

Но среди этой публики он разглядел и других камчадалов, у которых

*собственный дом,
Собственный плуг, собственный хлев
Время побило, как в поле хлеб
Бьёт ледяным дождём.*

Автор прозорливо замечает, что

*у него хоть и не боевой,
Однако практический разум.*

И он прибыл «с полным доверием к жизни»:

*Он открывает камчатский том
Не для того, чтобы высчитать «бизнес»,
Его мечта – быть солидным рабочим.*

О такой «камчатке» поэт с гордостью говорит:

*Из этих кадров можно бы высечь
Славные имена.*

Кульминацией метафорического сплетения всех смыслов пары *Камчатка* и «*камчатка*» можем считать заключительные строки очерка о рабочем классе Камчатки, наполненные пафосом, присущим произведениям того времени:

*Чтобы рабочий класс Камчатки
Не был «камчаткой» в рабочем классе <...>
Открыть лирические цеха,
Пафос которых заперт!*

В результате обнаруживается, что ключевое слово заголовка произведения И.Л. Сельвинского обретает концептуальную нагрузку и задает два пересекающихся, взаимодополняющих и обогащающих друг друга семантических субполя – субполе пространственно-предметно-субъектной ориентации (физический мир и человек в нем) и субполе абстрактно-оценочно-характеризационной направленности (мир, мыслимый в отвлеченных категориях и выраженный через субъективное авторское восприятие и оценку). Данная семантическая дивергенция метафорического поля «Путешествия по Камчатке» обусловлена интенцией писателя, который использует для достижения художественных целей «разные механизмы метафоризации, различные аспекты антропометричности, равно как и различную интерпретацию модуса фиктивности» [5, с. 12]. Прочитав здесь В.Н. Телию, имеем все основания полагать, что под *модусом фиктивности* она подразумевает как процесс, так и результат вторичной номинации. Ориентация субъекта в окружающей действительности служит основой для её (действительности) описания, закреплённого в языке. Так, «непредметный мир моделируется при помощи метафоры и по образу и подобию предметного мира» [4, с. 5], а также реальный мир пропускается через авторское сознание и ощущения, через чувства и эмоции, что позволяет говорить о преобладании, ядерности двух родов метафоры в тексте очерка, представленных в виде двух пересекающихся субполей. Этот анализ подтверждает мысль В.Н. Телии: «Существуют достаточно общие принципы, в соответствии с которыми сознание человека, антропоцентрическое по своей природе, организует непредметную действительность по аналогии с пространством и временем мира, данного в непосредственных ощущениях» [4, с. 5].

В процессе исследования мы приходим к выводу, что субполя с реальной и абстрактной основами складываются на базе семантико-тематических связей из некоторого количества микрополей, построенных по общепринятым в русской поэзии метафорическим моделям (ММ) в соответствии с намерениями поэта передать обычную жизнь обычного советского «далека» в запоминающихся языковых оборотах и выражениях, несущих не только поверхностное, но и глубинное значение.

Следует отметить, что композиционно-содержательную основу произведения, базирующуюся на этих двух основных семантико-метафорических субполях, приоритетность которых вряд ли возможно опровергнуть, дополняют и обогащают тропы, смежные с метафорой. К ним мы относим номинативные единицы, считающиеся спорными,

неоднозначными, однако в тексте «Путешествия» они заявлены автором как метафоры: (метафорическое) сравнение в форме творительного падежа имени существительного (*Тухлым яйцом вытекает источник*); метонимические и синекдохические обороты с дополнительным метафорическим переосмыслением (*Оде́та в шотландскую клетку, Стоит геометрия среди корья*), где под *шотландской клеткой* и *геометрией* подразумеваются новые заводские постройки с застеклёнными окнами; перифразы-метафоры (*Живи, покуда тебя не взалкала Геологическая эпопея*), прецедентизмы метафорического типа (*Село Ключи у подножья вулкана – Будущая Помпея*). Анализ языкового материала требует включить их в общее метафорическое поле произведения и отнести их не к ядерной группе, а к приядерной, так как они созданы прежде всего как сравнение, метонимия, синекдоха, перифраза и прецедентный феномен. Однако в тексте конкретного произведения им сообщается экспрессивно-оценочная или характеризующе-предикатная нагрузка. В них присутствует, что очень важно для понимания метафоры как лексико-семантической категории, трансформация смысла, содержится новое значение.

В исследуемом произведении параллельно основной, описанной выше линии разворачивания сюжета с ключевым словом *Камчатка* и «*камчатка*» развивается вторая линия. Назовем ее «*поэтическая*». Ее появление в тексте совершенно предсказуемо и обосновано. Подтверждение находим в высказывании В.Н. Телии: «Выбор того или иного образа-мотива метафоры связан не просто с субъективной интенцией творца метафоры, но еще и с тем или иным его миропониманием и соизмеримостью с системой стереотипных образов и эталонов, принадлежащих его картине мира. Миропонимание субъекта помещает метафору в определенную, этическую, эстетическую и т. п. среду» [8, с. 16]. Поэт, приехавший изучить мир Камчатки, чтобы передать его потом в стихах, многое видит, воспринимает, а затем выражает в категориях, близких и понятных ему, через призму собственной картины мира. Так появляются метафоры «камчатской поэзии». Проплывающие перед взором пейзажи побережья реки Камчатки – «*законное буйство пышных кулис*»; вновь приезжающие на постоянное место жительства на Камчатку люди открывают «*камчатский том*»; через прецедентный текст, трансформированный с учётом описываемой ситуации, дается характеристика местного мужского населения:

*А тут хандрят боевые мужчины
«Во глубине камчатских недр».*

И как образец полного слияния и гармонии реального мира с его житейскими проблемами и мира идеального, эстетического, с его возвышенными устремлениями звучат финальные строки произведения:

*Чтобы в холодных течениях Камчатки
Паром забил комсомольский ключ –
Открыть лирические цеха,
Пафос которых заперт.
Таков секретариату ЦК
Мой поэтический рапорт.*

Линия эта явно не основная, периферийная, идущая «по краю» метафорического поля произведения. Однако с точки зрения смысловой нагрузки назвать ее второстепенной или вторичной нельзя. В.Н. Телия именует такую метафору образно-эстетической, подразумевая под ней «нацеленность на такое художественное воздействие на реципиента, которое вызывает в нем ценностное отношение к миру, определяемое в диапазоне категорий прекрасного или безобразного» [8, с. 16]. Такая метафора

призвана создавать экспрессивно-эмоциональный эффект, поднимать настроение, гармонизировать мир. И поэт И. Сельвинский с этим мастерски справляется.

Отметим ещё два момента, выявленные в процессе работы над материалом данного произведения. Наше внимание привлекли такие явления, как полистилизм произведения и случаи метафорического синкретизма, обнаруженные в его дискурсе.

Полистилизм очерка обусловлен функционированием эксплицитных и имплицитных единиц в идиостиле Сельвинского (**действенные и потенциальные связи** семантической системы). Избранная автором та или иная лексема сама подсказывала Сельвинскому стиль всей синтагмы, «вела» автора. Пример: *глядит угодничком на посадых* (о председателе собрания). Незлобиво-ироничное отношение к «служителям культа» (ироничность – от эпохи, её идеологии; незлобивость же – от самого Сельвинского, человека высокоморального в жизни) предопределило развитие **потенциальной семантической связи** («угодничек», *прихожанин* – **агент, secundum comparationis** – *председатель на собрании* – **референт, primum comparationis**), основанной на **связи действенной**, автологии, безобразности: внешнее сходство в манере председателя себя держать, говорить и проч. (**основание, tertium comparationis**).

Случаи метафорического **синкретизма** (согласно словарю иностранных слов – разновидность эклектизма; сочетание разнородных, противоречивых, несовместимых воззрений [4, с. 456]) применительно к проблеме декодирования поэтического текста – выводят нас в процессе исследования как на семантические, так и на морфологические предпочтения художника слова при создании им метафорической ткани художественного произведения. Пример синкретизма **по семантической характеристике**: *Капризен фарватер, слепой поводырь*. Референтом здесь является *фарватер*, агентом – *поводырь*. Но к какому семантическому микрополю отнести *поводыря*? «Человек/люди»? «Животное»? Поводырь может быть как человек, так и собака. При декодировании поэтического текста реципиентом, при прочтении авторского замысла, проявленного в нём возникает синкретизм, который создаёт некую завуалированность, возможно, намеренную. «Однако поэт не прячет ключа к разгадке иносказательности, желая остаться понятным для широкого читателя. И семантическая мотивация отвечает этой цели, поскольку эксплицирует основание метафоризации» [9, с. 140].

Синкретизм, проявленный в **аспекте способа образования** метафоры (исходя из школьной догмы о делении всех метафор на метафоры олицетворения (*страх душит*), овеществления (на нас *свалилось известие*) и отвлечения (*поле деятельности*)): *клыкастый бурунный забор* – это и метафора **отвлечения** (*забор*), и **олицетворения** (*клыкастый*). **Способы образования** данной метафоры синкретичны, взаимодополняемы.

Синкретизм, проявленный в **третьем аспекте лексической характеристики**: *в скульптурную кладку вриясь* (деепричастие совершенного вида с окказиональной префиксацией). Поскольку динамично-ориентированный глагол *ринуться* имеет подчёркнутую характеристику **глагола действия**, данную метафорическую единицу мы также можем считать синкретичной: ведь в целом, по смыслу она – метафора состояния (речь идёт о **статичных объектах**, скалах, напомнивших своими очертаниями автору рукотворные изваяния, в данном случае – животных).

Четвёртая разновидность метафорического синкретизма – синкретизм по **эстетической функции**: принадлежность метафоры к группе языковых либо художественных метафор: *Вся непобедимая золотая гвардия, все кирасиры эстрадных битв, – всё это трусило, смылось*. В целом данная развёрнутая метафора, безусловно, является художественной (автор повествует о своём внутреннем состоянии), однако *смыться* – языковая и предельно стёртая метафора. Но Сельвинскому удалось данную мёртвую

метафору несколько оживить, сделав её составной частью столь яркого индивидуально-авторского оборота.

Все 4 представленные разновидности метафорического синкретизма, безусловно, помогли автору, с одной стороны, калейдоскопично расцветить свою речь, добавить яркости в **описательную составляющую** произведения, с другой – несколько энигматично (от *enigma* – загадка) преподнести **повествовательную составляющую**, с третьей – на своё авторское усмотрение – где-то несколько завуалированно, а где-то отчётливо аргументированно изложить **составляющую рассуждения** (в тех фрагментах произведения, где таковая имеет место).

Итак, проведя небольшое исследование метафорического поля «Путешествия по Камчатке» И. Сельвинского, мы отмечаем в нём сложность и многоплановость метафорического строя авторской лингвопоэтики, насыщенной как неожиданными семантическими оттенками, так и примерами, свидетельствующими о некоторых морфологических предпочтениях автора. В данной работе особое внимание уделено самим метафоризируемым объектам (референтам) либо их «метафоризаторам» (агентам), а в развёрнутых метафорах также рассмотрена морфологическая характеристика второстепенных компонентов. Обнаружено, что *Камчатка* и "*камчатка*" предстают как умозрительная, абстрактная, когнитивная характеристика некоторой ситуации реального мира, причем в постоянном столкновении и переплетении прямого номинативного и переносного метафорического смыслов. Иногда писатель осуществляет передачу явлений окружающей действительности через включение прецедентного имени (приём интертекстуальности, неоднократно используемый И. Сельвинским в очерке) и сочиненный ряд оценочных имен существительных, дающих представление о камчатском регионе и о жизни местного населения.

Цель настоящей работы достигнута: удалось выявить лексемы, которые составляют каркас метафорического поля поэтического очерка И. Сельвинского. Семантическое многообразие метафорического поля и выбор автором морфологических средств – описаны и проанализированы в данной статье. В дискурсе произведения нами отмечен ряд оценочных имен, которые в немалой степени помогли И. Сельвинскому как при построении отдельных индивидуально-авторских метафорических единиц, так и при создании всей ткани метафорического поля. «Круг зооморфных метафор у И. Сельвинского, хотя и не обширен (*клыкастый*, отчасти и *слепой поводырь*), но достаточно выразителен, причём часто такие метафоры употребляются в контексте отрицательной оценки» [10, с. 190]. Существительное *Камчатка* («*камчатка*») дифференцировано нами как ключевое в произведении.

Из сказанного мы делаем следующий, важный для нашей концепции вывод: метафорическое поле произведения И. Сельвинского можно представить как полицентрическое образование или слабоцентрированное поле, включающее размытый центр с его классическими семантическими микрополями (лексико-семантическими группами), характер и обусловленность которых диктуются интенциями создателя текста, его жанрово-тематическими предпочтениями. Все остальные (несемантические) типы метафоры закономерно располагаются на периферии явления метафоризации и занимают соответствующие ниши в структуре метафорической картины мира автора-рассказчика как субъекта повествования. В работе, кроме того, заострено внимание на таких явлениях, как интертекстуальность, полистилизм, а также представлены и описаны случаи метафорического синкретизма.

Литература

1. Курмакаева Н.П., Ястребов-Пестрицкий М.С. Стилистические функции метафоры в поэтическом очерке И.Л. Сельвинского «Путешествие по Камчатке» // Русский язык в школе. – 2017. – № 6. – С. 46–51.
2. Новейший энциклопедический словарь: 20 000 статей / под ред. Е.А. Варшавской. – М.: АСТ; Астрель, Транзиткнига, 2006. – 1424 с.
3. Сельвинский И.Л. Путешествие по Камчатке. Поэтический очерк // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. – М.: Худож. лит., 1973. – С. 5–22.
4. Словарь иностранных слов. – 15-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1988. – 608 с.
5. Телия В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 173–204.
6. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – Т. 2. – М.–Л.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1938. – 1040 стб.
7. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – Т. 3. – М.–Л.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1939. – 1486 стб.
8. Энциклопедический словарь-справочник по культуре речи. – М., 2004. – 411 с.
9. Ястребов-Пестрицкий М.С. Аспекты изучения метафористики как лингвистической проблемы // Вестник. – 2016. – Вып. 2. – С. 137–142.
10. Ястребов-Пестрицкий М.С. Метафора – составляющая идиостиля поэта // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8, № 3, ч. 2. – С. 187–192.

Поступила в редакцию 29 января 2018 г.

UDC 811.161.1 + 81'373.21

DOI: 10.21779/2542-0313- 2018-33-1-69-78

Semantic and morphological features of metaphorical field of “The journey across Kamchatka peninsula” by I. Selvinsky

M.S. Iastrebov-Pestritsky

Scientific Library of the State Archive of the Russian Federation (SARF SL); 119435, Moscow, Bolshaya Pirogovskaya st., 17; mup-63@mail.ru

The aim of this work is to demonstrate the complexity and diversity of the metaphorical structure of the author's linguopoetic saturated as unexpected semantic shades, and some morphological preferences on the rich empirical material of works by I. Selvinsky. In the context of the I. Selvinsky's "The journey..." lexeme Kamchatka ("kamchatka") receives a semantic development filled with new sub-meanings. At the same time you may find that *Kamchatka* and *kamchatka* all the time appear as speculative, abstract, cognitive characterization of some real world situation, and in constant collision and interweaving of direct nominative and figurative metaphorical meanings. This allows to conclude that in the discourse of the poetic essay, these lexemes are conceptual and text-forming, and coupled with all the lexical-semantic variants and the derivational-semantic branching, but also with the thematic groups make up the skeleton of the metaphorical field of the poetic essay by I. Selvinsky. The article considers the stages of semantic diversity and selection of morphological means by which char-

acteristics of life in a remote region transmitted by the author. Sometimes the writer carries out this transfer through the inclusion of a case name (the phenomenon of intertextuality, which is used repeatedly by I. Selvinsky in the essay), and united a number of evaluative nouns, giving an idea about the Kamchatka region and about the lives of the local people. The author points to a particular contingent of the Peninsula, with the help of metaphorical way of reinterpreting of slang "kamchatka". Thus, *Kamchatka* and *kamchatka* throughout the essay, visibly and invisibly interwoven and metaphorical field of work by a large extent is built on individual author's metaphor of I. Selvinsky as a lexical-semantic category, which, in turn, morphologically is based on the key word Kamchatka (kamchatka). At the end of the article, in addition, the phenomenon of polystylism is disclosed and explained, and cases of metaphorical syncretism are described. This work by Selvinsky was not previously documented by linguists. The study of its corpus was not carried out in the aspect of the metaphorical field, the semantics and morphology of the poetic essay were not studied closely, which testifies to the novelty and uniqueness of the present work, which, thus introducing a new stroke in the development of the theory of domestic linguistic science, can be practically used in the similar scientific research of texts of other authors. Also, the basic operations can be used when reading special courses in the relevant specializations in humanitarian universities.

Keywords: *individual author's metaphor, metaphorical field, morphological tools, evaluative nouns, intertextuality, polystylism, metaphorical syncretism.*

Received 29 January, 2018